

Старшим подругам, родившимся накануне Великой Отечественной войны и встречавшим салют Победы 9 мая 1945 года

Валентина
АКУЛЕНКО
г. Петрозаводск

Букановы, мать с дочерью, жили в деповском бараке семнадцатый год. Неподалёку выросли благоустроенные трех-, четырехэтажки, где праздновали новоселья семьи железнодорожников областного города Петровска. А в бараке, в его восемнадцати комнатках (по двенадцать квадратных метров на каждую), с общим коридором и без удобств маялись в одиночку и семьями те деповские работники, чья очередь на квартиру или хотя бы на комнату в новом доме еще не подошла.

Длинное бревенчатое жилище на фоне новостроек выглядело, как темное пятнышко на новой одежде или как притихший сирота в шумной ребячьей компании. Хотя своя жизнь там была ключом: скандалы, пьяные драки, застолья под неизменный «Шумел камыш, деревья гнулись...», застоявшийся запах табачного дыма, мазута, подгнившей картошки и квашеной капусты, хранившейся бочонками в длинном коридоре, — всем этим и многим другим полнился и славился выдавший виды деповской барак. И со всем этим приходилось мириться тем его жильцам, кто умудрялся сосуществовать мирно и чистоплотно, в трудах и заботах о маленьких детях и хлебе насущном.

Пятиклассница Лера из нового кирпичного трехэтажного дома, в который селилось в основном разное начальство, дружила с десятиклассницей Людмилой из деповского барака. Лера всегда выбирала подруг старше себя. С ними было интересней и надёжней, чем с ровесницами. От них она узнавала много того, о чем взрослые говорили только между собой.

Лера и Людмила учились в одной школе. И, скорее всего, высокая, стройная, всегда серьезная и занятая старшеклассница Люда Буканова, портрет которой бессменно висел на школьной доске почета, не приблизила бы к себе ничем осо-

Счастливей билет

рассказ

бо не выдающуюся пятиклашку, если бы не привычка Леры Глебовой после уроков заходить на час-другой в школьную библиотеку.

Дома не всегда получалось в тишине посидеть наедине с книгой: нужно было выполнять мамины поручения, делать домашние задания, чтобы школьный дневник, как говорили родители, «было приятно открыть на любой странице». Дома её ждал со своими просьбами и требованиями мамин любимец — неугомонный и капризный младший брат. Потому библиотека стала для Леры кратковременным убежищем от обыденных обязанностей и разных неприятностей.

Людмила же после занятий часто подменяла пожилую библиотекаршу «Мариванну» или помогала ей. И, конечно, она не могла не заметить темноволосую девочку с длинной не по росту косой. Эта странная девочка почему-то не спешила на волю после занятий в душевых, сколько их ни проветривай, школьных классах. Людмиле нравились и эта тихая девочка, и книги, которые она выбирала. Когда Лера спросила, нет ли в библиотеке продолжения «Трёх мушкетёров» — романа Дюма «Виконт де Бражелон», они разговорились о любимых героях. Потом вместе вышли из школы. И незаметно дошли до дома, в котором жила Людмила.

Лера растерялась: она не ожидала, что красивая, умная, всегда нарядно одетая старшекласница живет в бедном бараке, в двух шагах от того самого локомотивного депо, куда отец, надев черную форменную шинель с погонами, спешил каждое утро на работу. Именно этот барак отец Леры, заместитель начальника депо, называл «головной болью», потому что там часто скандалили, туда вызывали милицию, а живущим там машинисту и его помощнику нередко приходилось ночевать в деповском Красном уголке, чтобы выспаться перед работой.

Людмила, увидев замешательство новой подруги, немного смутилась:

— Да, вот здесь мы с мамой и живем. Не ожидала? Зайдем, если не торопишься? Мы пирогов напекли...

И хотя Лера и часа не хотела бы прожить в этом мрачном приземистом доме, она без раздумий согласилась зайти. Не из-за пирогов, хотя,

отсидев столько времени в школе, очень хотелось есть. Ей было непонятно, почему и как здесь живет Людмила, похожая на красавиц из романов Дюма.

Тусклого света от единственной лампочки в конце длинного коридора было слишком мало, чтобы разглядеть замочную скважину и попасть в неё ключом. Сделав две неудачных попытки, Людмила попросила подругу поддержать открытой входную дверь в барак. Дневной свет ворвался в коридор, и Лера увидела, что он довольно широкий, стены у каждой двери завешаны цинковыми тазами и детскими ваннами, банными венниками, какой-то одеждой.

Комната Людмилы и её мамы показалась ей такой крохотной, в каких и люди-то не живут, но она была светлой и уютной. Плита, железный умывальник с раковиной и ведром под ней, кухонный стол и полка для посуды — все, что служило кухней, находилось при входе и было отгорожено от спальной части плотной шторкой. В комнатухе поместилось впритык немного мебели: диван — у одной стены, кровать — у противоположной. В углу, у дивана, — этажерка с книгами. У широкого окна — стол, покрытый тяжелой скатертью с узорами.

Кровать показалась Лере такой нарядной, будто принадлежала принцессе: кисейная накидка на высокой горке подушек, из-под покрывала с коричневыми и бежевыми ромбами и затейливым рисунком посередине спускался белоснежный кружевной подзор, не достигавший пола ровно настолько, насколько можно было прикрыть то, что задвинули под кровать. В промежутке между кроватью и «кухней» уместилась швейная ножная машинка.

В окно, убранное белыми тюлевыми шторами и голубыми вышитыми занавесками, Лера увидела ворота локомотивного депо и водопроводную колонку. У колонки собралась небольшая очередь.

Людмила уже покрывала стол яркой обеденной клеёнкой поверх скатерти, когда вернулась с работы Екатерина Ивановна. Для Леры — просто «тётя Катя».

Они долго чаевничали. Пирог с капустой, ватрушки с творогом и брусникой Лера ела с наслаждением, отметив про себя, что у мамы получились не такие вкусные. Потом Людмила быст-

ро и привычно убрала со стола. Тётя Катя прилегла на диван отдохнуть, тихо жалуясь, что «сей день было много вызовов и все дальние».

Когда мать задремала, Людмила тихонько рассказала подруге, что мама работает в депо вызывной. Телефона в бараке нет. Да и не у всех машинистов он имеется, поэтому приходится для вызова машинистов в поездки спешить по домам, а это не близко. До поселка железнодорожников, где в основном и жили машинисты в добротных, специально для них построенных одноэтажных кирпичных домах, не меньше трех километров от депо. Вызывать в рейсы положено, когда меняется график поездок, а это случается часто. Некоторых вызывных выручал велосипед, а Екатерину Ивановну — только её быстрые ноги.

Помолчав, Людмила невесело заметила:

— Мама своё отъездила. Раньше, во время войны и после, она машинистом паровоза была, единственной женщиной-машинистом на все депо и, может быть, на всю их железнодорожную магистраль, но после тяжелой травмы ей ампутировали правую руку до локтя. Тогда и устроили вызывной...

Лера стала так часто бывать у Букановых, что скоро за ужином при отце мать спросила недобрым голосом:

— Мне тут сказали, что видят тебя в деповском бараке. Что ты там потеряла?

Отец удивленно посмотрел на Леру.

— Я хожу к Люде Букановой. Мы с ней дружим. Ну и что с того, что она живет в бараке? Она самая лучшая в нашей школе. А завтра у тети Кати, её мамы, день рождения. Это теперь она вызывная, а раньше была машинистом на паровозе...

Пока Лера говорила, волнуясь и обжигаясь горячим чаем, густые брови отца поднимались все выше и выше. Он сказал:

— Так ты с дочкой Екатерины Ивановны дружишь? Кстати, мне недавно звонили из вашей школы. Директор сказала, что Людмила Буканова идет на медаль. Какая молодец!

Но мать не сдавалась:

— Но ты же знаешь, что в этом бараке творится, какая там публика! Страшно там находиться. Если уж так дружите, пусть Людмила к нам приходит!

Отец ничего не ответил. Он встал из-за стола, достал из своего коричневого кожаного бумажника новенькую купюру, ласково вложил в ладошку Леры:

— Это на букет и коробку конфет Екатерине Ивановне от нашей семьи. Выберешь сама?

— Папа!.. — только и выдохнула Лера. Глаза её сияли.

На другой день тоненькая девочка с длинной косой, украшенной белым атласным бантом, шла с огромным букетом, почти закрывавшим ее, и коробкой конфет под мышкой по барачному коридору. Жильцы как по команде выстроились у своих дверей. Никто не мог припомнить, когда ещё приходили в барак с таким пышным, богато упакованным букетом, — даже памятливая на всё и вся Салтычиха.

Здесь почти у всех были прозвища от фамилий: Салтычиха, Мирониха, Примачиха, Буканиха... Давались они по деревенской привычке (почти все обитатели барака приехали из деревень) и в основном старшим женщинам в семьях. Семидесятилетней, но ещё крепкой здоровьем вездесущей Евдокии Ивановне Салтыковой досталось прозвище с богатой историей, которую здесь вряд ли имели в виду. Вид у Евдокии Ивановны и правда был грозный, как у печально известной дореволюционной помещицы-крепостницы Салтыковой, рост высокий, язык острый, но характер сердобольный и справедливый. Салтычиха, к примеру, никогда, если только не хворала, не отказывалась посидеть с соседскими малышами, пока их родители на работе. С местами в детские садики и ясли было почти безнадежно. А «детсад» Евдокии Ивановны выручал, как нечаянная горбушка хлеба голодного. Барачная малышня ходила за «бабой Дусей» хвостом. И каждого из них, независимо от пола, она называла «внучок».

Увидев Леру с букетом, Салтычиха всплеснула руками:

— Никак к Катерине? У ей же рождение! Неспроста букет-то! Не похоже, что Леркой куплен. Должно, от ейных родителей. Видать, Катерину наградят или премию дадут хорошую? Давно пора. Мало таких баб, работающих, непьющих, честных, негулящих...

Тараторя все это и довольно оглядываясь, Салтычиха по-хозяйски продвигалась за Ле-

рой, чтобы первой попасть в комнату Букановых, увидеть все своими глазами и всплакнуть растроганно вместе с именинницей.

Вечером Евдокия Салтыкова собрала в своей комнате девичник в честь Катерины. Жила она одна. Сын с невесткой и внуком переехали в благоустроенную квартиру в одном из деповских домов. Ордер полагался на четверых. И если бы Евдокия Ивановна не была вдовой погибшего участника войны, то ждать бы молодым Салтыковым своей очереди на отдельную квартиру еще долго, несмотря на то, что и сын, и невестка давно трудились на железной дороге: сын — помощником машиниста, невестка — шеф-поваром в деповской столовой. Сама же Евдокия Ивановна, отрубившая тридцать лет слесарем в цехе по ремонту тепловозов, а потом там же и бригадиром, давно и с почетом вышла на заслуженный отдых. Как вдове погибшего участника войны железнодорожное начальство позволило Салтыковой остаться в бараке, хотя претенденты на освободившуюся жилплощадь имелись. Но Евдокия Салтыкова так слезно просила начальство оставить её доживать в бараке, так убеждала, что никакие хоромы бок о бок с молодыми не рай для неё, что накрепко приросла к своей комнатухе и если её этого лишат, то даже самые лучшие врачи и лекарства не поднимут её на ноги. В итоге добилась своего.

Остаться в бараке помогло Салтычихе и то, что на ней держался домашний «детсад», выручавший и деповское начальство, заваленное заявлениями и жалобами очередников.

Выпивали женщины скромно, только «красненькое», а пели много. Салтычиха запевала, крепко обняв пухлой рукой худенькую именинницу Катерину. Людмила и Лера согласились посидеть в теплой компании с полчаса для приличия. Лера не могла глаз оторвать от бабы Дуси, когда та неожиданно высоким и молодым голосом выводила:

*Ой, туманы мои, растуманы,
Ой, родные леса и луга!
Уходили в поход партизаны,
Уходили в поход на врага.
Эх, уходили в поход партизаны,
Уходили в поход на врага...*

Слова этой песни Лера знала от начала до конца, потому что её часто пел отец, когда у них гостили его фронтовые друзья, а у Евдокии Ивановны, как успела рассказать Людмила, воевал в партизанском отряде и героически погиб муж, и показала на угол, где висела икона, а под ней на полочке — подушечка с медалью «За отвагу!».

Салтычиха пела, отдавшись воспоминаниям, крупные ноздри её широкого носа наполнялись слезами, и казалось, что все её мощное тело содрогается от сильного чувства.

Однажды, когда мать с младшим братом лежали в больнице с подозрением на дифтерию, Лера выпросила у отца разрешение переночевать у Букановых. Она уверяла, что кроме Людмилы никто не поможет ей подготовиться к четвертной контрольной по алгебре и геометрии. Полистав в задумчивости школьный дневник дочери, отец согласился.

После школы с набитым учебниками портфелем — в одной руке и с полным пакетом купленных отцом дефицитных апельсинов — в другой, Лера отправилась к подруге.

До Нового года оставалось несколько дней, и в бараке, как и в других домах, готовились к празднику: мыли, стирали, чистили, запасались продуктами, шили обновы.

У водопроводной колонки хозяйки полоскали белье. Так было проще и быстрее, чем носить ведрами воду в барак. Мороз стоял градусов десять — не сильный для привычных к холодам жителей Петровска, но полоскавших горы белья женщин он не щадил. Отжав наспех очередную простыню или наволочку, они поминутно согревали дыханием свои распухшие красные, словно ошпаренные, руки. Лера не могла представить среди этих молчаливых от такого мучительного труда женщин свою маму, руки которой тоже не терпели безделья и все же были белыми и гладкими. Она не могла понять, как Людмиле и её маме в три руки удастся наводить в комнате чистоту и уют? Как Людмила умудряется ухаживать за школьной формой так, что она выглядит словно новая? Как ей не лень крахмалить свой парадный белый фартук, воротнички и манжеты? Где она моет свои чудесные белокурые локоны, которые всегда аккуратно уложены волосок к волоску? Лера понимала одно: она так не сможет и не смогла бы,

даже если бы в их квартире было еще больше тех удобств, о которых и Букановы, и все те женщины, что полоскали бельё у колонки, могли только мечтать. И от этих мыслей, от этих сравнений она еще больше уважала Людмилу, её маму, ещё сильнее её к ним тянуло.

В комнате Букановых тоже царил предпраздничный переполох. В круглом цинковом бачке на раскаленной плите кипятилось бельё, громко булькая, наполняя комнату густым паром и крепким запахом мыла. Людмила то и дело открывала ненадолго форточку, чтобы выпустить пар и запахи.

— Полоскать где будете? У колонки? — спросила Лера. Перед глазами у неё все еще стояли красно-фиолетовые от холода мокрые руки женщин.

— А где же еще? Когда лёд сойдет, положем на речке. Хорошо, что она рядом. Зимой колонка выручает. А чтобы помыться — так баня близко. И в деповскую душевую иногда пускают. Нашему железнодорожному бараку еще повезло, в городских с этим хуже. — Людмила поставила на плиту чайник. — Попьем чайку — и спать. Заниматься с утра начнем. На свежую голову.

Принесённым Лерой апельсинам Букановы обрадовались. Лера рассказала, что отец привез их много к празднику из командировки в Ленинград, куда он ездил на совещание в Управление дороги. Однажды он привозил даже ананас. Они впервые увидели этот заморский фрукт, долго им любовались. Братишка Леры принял ананас за маленькую новогоднюю ёлочку и побежал за игрушками, чтобы её украсить. Никто, кроме отца, не знал, как подступиться к заморскому фрукту, похожему на толстую черепаху с прической. Лера на всю жизнь запомнила, как отец нарезал тот ананас ровными круглыми сочными ломтями, как осторожно они его ели, как приятно пощипывало вокруг рта уже после двух кружков съеденной ароматной мякоти.

Про ананасы тётя Катя даже и не слышала. А подаренные апельсины бережно переложила в зеленую сетку-авоську и повесила между оконными рамами.

И пяти минут не прошло, как в дверь постучала Салтычиха.

— Ивановна, сказывай, где апельсинов раздобыла? Где дают и почему? Завтра же сбегаю. Та-ак апельсинчика хочется!

Тетя Катя с обреченным видом достала из авоськи парочку:

— Лера принесла в подарок. На вот, освещись. А мы еще и не пробовали. До Нового года потерпим.

— Правильно, надо приберечь к столу, — Салтычиха весело подмигнула Лере, зачем-то утерла лицо фартуком и довольная, пожелав спокойной ночи, закрыла за собой дверь.

Людмила с Лерой хотели устроиться спать на диване, но тётя Катя скомандовала тихим голосом:

— Ложитесь на кровати. На ней мягко, тепло — как в раю.

Лера смотрела, как Людмила раскладывает высокую горку пышных подушек, красовавшихся весь день под кисейной накидкой, как расчесывает на ночь и заплетает в косу свои светлые волосы; как выдвигает из-под кровати большой чемодан с чистым бельем, достает из него две ночные рубашки: голубую и оранжевую.

— Какая прелесть! — Лера с восторгом рассматривала новенькие фланелевые сорочки.

— Нравится? — заулыбалась Людмила.

— Сама сшила?

— Нет, с помощницей, — Людмила кивнула на швейную машинку.

Оранжевая ночнушка досталась Лере. Пока она разглядывала мелкие рисунки на ней — плюшевых мишек и кукол, Людмила постелила матери, пошевелила щипцами вскипяченное бельё, налила воды в умывальник, проверила, заперта ли дверь в комнату, задвинула оконные занавески и шторы.

Кровать на пружинном матрасе оказалась широкой, удобной и мягкой. И правда — как в раю. Но Лере не спалось.

Она и представить себе не могла, что в маленькую комнатку с окном на депо ночью, когда все спят, ворвется столько громких звуков. Резкие тепловозные гудки и стук колес мчавшихся поездов с линии, что высилась неподалёку, на насыпи; строгий голос диспетчера, повторявший в рупор, что по такому-то пути пойдет такой-то состав, или отдававший все новые и новые распоряжения тем, кто в этот поздний час

на смене. А то вдруг казалось, что чуть ли не под окном пробасил хрипловато старый, но бодрый ещё маневровый тудяга-паровоз серии «Ов», прозванный железнодорожниками «овечкой».

Когда ненадолго стихали звуки, комнату ярко освещали всполохи деповских прожекторов. Бревенчатые стены пасовали и перед грохотом железной дороги, и перед зимней стужей, в бессрочном плену у которых стойко держался жилой барак.

Лера ворочалась и вздрагивала от этого ночного кошмара. Ей хотелось спать так же крепко, как Людмила и её мама, но сон пришел только под утро.

Все лето, пока Лера с мамой и братом отдыхали у родственников в курортном городке на берегу Черного моря, Людмила готовилась к вступительным экзаменам на медицинский факультет университета. На медфак она, конечно же, поступила. К такому большому не только для Букановых, но и для соседей по бараку, событию добавилось еще одно. Евдокии Ивановне Салтыковой подарили телевизор. И не какой-нибудь, а самый по тому времени лучший: ламповый телевизор «Знамя». Салтычиха бегала по барачному коридору, не помня себя от радости. Каждого встречного хватала за руку и вела показывать свое сокровище. Никогда бы не иметь малоимущей пенсионерке такой дорогой вещи, если бы не её доброе сердце. Семьи из барака забросали профсоюзную организацию депо письмами о том, что вдова погибшего героя-фронтовика, ветеран труда, ныне пенсионерка, Евдокия Ивановна Салтыкова добровольно взвалила на свои плечи заботу об их детях, которые из-за нехватки мест не устроены в детские дошкольные учреждения. Они, родители, могут спокойно работать только благодаря тому, что Евдокия Ивановна нянчится с их детьми: накормит, умоет, почитает книжку или расскажет сказку и даже выведет на прогулку в парк железнодорожников. Письма заканчивались просьбой – «выделить деньги на покупку телевизора для Е.И. Салтыковой». Депо не поскупилось. И 1 сентября 1962 года телевизор «Знамя» был торжественно водружен на тумбочку в комнате «бабы Дуси». Барак ликовал!

Правда, с этого дня комната Салтычихи стала не только детсадом, но и клубом любителей

футбола. Евдокия Ивановна не возражала. Командиром она была закаленным. Принявших на грудь до начала матча «на телевизор» не впускала, а трезвых болельщиков привечала и угощала отменной квашеной капустой, коей у неё был заготовлен с осени и на всю зиму семидесятикилограммовый бочонок.

Капусту любители футбола и хоккея поедали с хрустом и аппетитом даже и без спиртного. Правда, помощник машиниста Егор Ерошкин выпросил у Салтычихи разрешение «на пиво под капустку» в дни особо ответственных матчей. Хозяйка согласилась только из уважения к Ерошкину. Ведь Егорка, не окончивший никаких институтов, писал деповским студентам-вечерникам железнодорожного техникума курсовые работы по их многочисленным просьбам, конечно.

По душе был Салтычихе и патриотизм Ерошкина. Когда наша сборная, выигравшая матч, стояла на пьедестале почета под звуки родного гимна, невысокий Егор вдруг вскакивал на табурет и со слезами на глазах выкрикивал несколько раз подряд: «Советский Союз стоял и будет стоять!» Выкрикивал он это страстно, с дрожью в голосе и огнем в глазах кому-то невидимому, кто осмелился бы думать иначе.

Людмила, наверное, единственная во всем бараке, не стремилась прильнуть к экрану салтычихино «Знамени». Учеба и домашние дела отнимали столько времени, что на сон оставалось не больше четырёх-пяти часов. И жизнь у неё началась новая – студенческая.

К Людмиле иногда заглядывали однокурсницы переписать лекции, поболтать немного. Пили чай, делились девичьими тайнами. Лера сидела тихо, делала вид, что уткнулась в книгу. Студентки, казалось, не обращали на неё внимания, как если бы она была младшей сестрой, от которой в одной комнате никуда не деться. Людмила весело смеялась над шутками и сплетнями подруг, глаза её блестели. Но, когда однокурсницы уходили, она поворачивалась к Лере, и как-то само собой становилось ясно, что Лера ей ближе всех новых подружек и только ей она по-настоящему доверяет. С легким сердцем Лера отправлялась домой, не задерживаясь слишком долго, чтобы не докучать и не мешать Людмиле зубрить анатомию.

За Людмилой стал ухаживать старшекурсник архитектурного факультета Игорь Северов. Молодых людей с такой внешностью и бархатным голосом, как у Игоря, наверное, приглашают сниматься в кино, подумала Лера, когда впервые его увидела. Теперь подруги встречались редко.

Игорь провожал Людмилу после лекций, они подолгу прогуливались у солидного кирпичного дома с тремя подъездами и книжным магазином — дома, в котором Людмила хотела бы жить. Барак стоял неподалеку — Людмила до смерти стыдилась признаться Игорю, что это и есть её дом.

Однажды, когда из барачных дверей стрелой вылетел пьяный мужик в трусах и майке, а за ним с бранью — всклокоченная тетка в широкой ночной рубахе и в воздухе зависло истошное: «Убью, кур-рва!», — Игорь заметил:

— Ну и вертеп! И что его не снесут?

— Должно быть, людей некуда расселить. Наверняка там не только пьяницы живут, — с упавшим сердцем как бы оправдывалась Людмила.

— Да это же самое настоящее дно, — поставил точку Игорь.

У Людмилы еще больше перехватило дыхание. Она представила себе выражение его лица, если бы он узнал, что она — одна из обитательниц этого «дна».

В конце мая Игорь пригласил Людмилу на свой день рождения. И с этого времени финская швейная машинка «Тикка», которую Екатерина Ивановна сумела достать для дочери на скопленные за несколько лет деньги, журчала семь вечеров подряд. Между заказами, на часть выручки от которых Людмила собиралась купить Игорю подарок, она шила себе наряд. Точнее, перешивала из старого.

На лакированные туфли на шпильках ей удалось подкопить еще к школьному выпускному, сшив несколько платьев жене начальника депо, которая души не чаяла в молоденькой «портнихе», и шившей замечательно, и за работу бравашей недорого. С её внешностью и вкусом нетрудно было оставить о себе приятное впечатление. Но то, что Игорь успел рассказать Людмиле о своих родителях, почти не оставило ей надежды, что такая семья её примет как свою. Отец — полковник авиации. Мать занимается домом и руководит кружком кройки и шитья при гарнизонном Доме офицеров. Но это, как

рассказывал Игорь, не столько кружок, сколько клуб офицерских жен, где обсуждают новости, кулинарные рецепты, наряды.

Мать Игоря Анна Трофимовна ни на минуту не забывала, чья она жена, но старалась не вспоминать, чья она дочь. В центральном универмаге Петровска, куда местные вельможные дамы навевались по звонку за дефицитными товарами, секцией верхней одежды заведовала веселая, яркая, немного разбитная, но толковая и хваткая Клавдия Седыкина. Нюра (так в родной деревне называли Анну Трофимовну) была с Клавдией родом из одной деревни. Жили в соседних домах, но не дружили. Обе считались первыми красавицами и соперничали. Обе удачно вышли замуж: не просто «в город», а «за начальников». В деревне этим фактом гордились, потому что и «Нюрка», и «Клавка» выбились в люди.

Клавдия с ворохом подарков в двух огромных чемоданах иногда навещала деревенскую родню. Устраивала щедрое застолье, на которое собирала чуть не полдеревни. Земляки одобряли широту ее натуры и еще то, что по всем поводам она осталась «своей», не зазналась.

Зато Анна с тех пор, как вышла замуж за лейтенанта, ни разу не бывала в отчем доме. С будущим мужем судьба свела в конце войны. Восемнадцатилетняя Нюра с ровесницами была завербована на один из заводов в Заполярье. Там она и познакомилась с Павлом — в ту пору лейтенантом-летчиком, легкораненым, лечившимся в госпитале. Павел с первого взгляда влюбился в синеглазую румяную девушку.

После свадьбы Нюра проводила мужа на фронт бить фашистов до полной победы. Павел Северов вернулся живым и невредимым. Молодые стали жить в ладу и достатке, а когда Анна родила сына, Павел был на седьмом небе от счастья — баловал жену как только мог. Анна в то еще скупое на красивые вещи послевоенное время первая из офицерских жен военного городка нарядилась в темно-синее бостонское пальто с пышным воротником из чернубурой лисы, в котором утопала её хорошенькая головка в кокетливой папаше из дорогого серебристого каракуля. Они много странствовали по разным городам, куда с очередным повышением по службе переводили мужа.

В Петровске, областном центре, Северовы за-

держались надолго. В этом красивом северном городе их единственный сын окончил выпускной класс и поступил в университет. Маленькая семья полковника Северова занимала просторную трехкомнатную квартиру в одном из самых уважаемых домов города.

Разглядеть в солидной даме, жене военного чина, Анне Трофимовне Северовой румяную и смешливую Нюру из костромской деревни Безнежье мог разве только сам полковник — и то лишь благодаря старой фотографии, которую хранил и никогда не показывал жене, чтобы не порвала карточку на мелкие кусочки. Их семейный альбом в бордовом бархатном переплете хранил фотокарточки лишь из новой, городской, обеспеченной жизни. Именно такой альбом Анна Трофимовна решила бы показать своей будущей невестке — девушке из «хорошей семьи».

Родителям в Безнежье, пока они были живы, Анна писала редко и коротко. Ни разу не пригласила в гости. Свои деревенские корни, противные ей настроения, она бы с радостью поменяла на другие, если бы это было возможно.

Зайдя в универмаг, Анна старалась лишней раз не встретиться с «Кларой» — так, по-городскому, она теперь называла свою землячку, тоже волею судьбы оказавшуюся в Петровске. Роскошную даму в дорогой шубе, жену замначальника гарнизона, коровило, когда избалованная «дефицитом» заведующая секцией универмага попросту обрушивала на нее деревенские новости и называла «Нюрой». Анна Трофимовна мигом прерывала «Клару» словами, которые уж точно не могли обидеть:

— Как Танюша твоя в Германии поживает?

Анна Трофимовна считала, что «Клавке» повезло не по рангу. Ни она, ни ее дочь, по её мнению, не заслужили счастливый билет, какой им достался. Анне Трофимовне не давало покоя, что у «вульгарной Клавки» ее «серая мышка» дочь сумела поступить на факультет иностранных языков в МГУ и выйти замуж за сына ответственного работника Торгпредства. Теперь «эта тихоня» живет с мужем то в столице, то за границей. Такого успеха она никак не могла простить землячке.

Анна Трофимовна жаждала реванша. Она не сомневалась, что одержит победу с помощью сына. Мечта женить единственное,

обожанное чадо на девушке из очень хорошей семьи была её самой заветной.

Людмила стояла перед красивой дверью, обитой темно-коричневым дерматином, не сразу решившись нажать кнопку звонка. Дверь открыла Анна Трофимовна — статная, нарядная, благоухающая духами. Ее быстрый настороженный взгляд мгновенно сменился улыбкой. Тонким грудным голосом она позвала: «Игорёша! Встречай! Мне кажется, это к тебе!»

— Наконец-то! — Игорь одобрительно осмотрел Людмилу. — Как идет тебе это платье!

Анна Трофимовна похвалила и букет белых лилий, и коробку дорогих шоколадных конфет, и платье гостьи из синего шелка:

— Сразу видно руку мастера. Людочка, познакомьте с вашей портнихой?

За столом, как водится, расхваливали именинника: какой это был в нежном возрасте вежливый и очаровательный мальчуган, как родителям пришлось забрать его из пионерского лагеря, потому что не поладил с «хамоватым вожатым»; как легко дается ему учеба...

Людмила чувствовала, что Анна Трофимовна не сводит с нее глаз, даже когда с кем-то разговаривает. Когда за столом возникла пауза и гости принялись за роскошные закуски, Анна Трофимовна вкрадчиво заметила Людмиле:

— Игорек нас с отцом пока ничем всерьез не огорчал. Вот только мы его немного подвели: единственный ребенок. А вы, Людочка, насколько знаю, тоже одна у родителей?

Людмила прекрасно понимала, что хотела бы услышать Анна Трофимовна. Она молчала и старалась улыбаться. Выручил Павел Григорьевич:

— Мамочка, наберись терпения, еще успеем познакомиться поближе.

Полковник был оживлен и весел, но солидного своего лица не терял. Его легко было представить строго сдвинувшим брови перед строем вытянувшихся по стойке «смирно» подчиненных. Подруга сына ему понравилась. Людмила даже успела заметить, как Павел Григорьевич подмигнул Игорю: дескать, одобряю.

Потом пришли опоздавшие высокие гости, которых здесь особенно ждали, и Анна Трофимовна мгновенно переключилась на них.

Людмила впервые сидела за одним столом с

прибывшей генеральской четой. Генерал произнес тост в честь именинника. Анна Трофимовна разволновалась и растрогалась до слез. Настроение Павла Григорьевича поднималось, как доброе тесто на свежих дрожжах. Теперь уже, захмелев от нескольких рюмок коньяка, он подмигивал не только сыну, но и Людмиле, как своей.

Как своей... Она бы много отдала, чтобы это было действительно так. В тот вечер ей очень хотелось быть своей среди этих благополучных и милых людей, собравшихся за изысканным столом в богато обставленном доме ее любимого.

Никто из них и мысли не мог допустить, что избранница Игоря — девушка из барака, что она не помнит своего отца, что живут они с мамой-инвалидом на крошечную зарплату, что сама она со школьных лет вынуждена подрабатывать шитьем, чтобы не голодать и прилично выглядеть. Она страдала от того, что приходится играть чужую роль. Но как открыться? На это у неё пока не хватало сил. А Игорь все больше и больше влюблялся в Людмилу и не мог понять, почему за два месяца их знакомства она ни разу не пригласила его к себе.

Анна Трофимовна осталась довольна тем, как прошел день рождения сына. Немного тревожило только, что так ничего и не узнала о подруге Игоря, кроме того, что она — будущий врач, что недурна собой, одевается со вкусом, держится скромно, но с достоинством. Последнее Анна Трофимовна отметила как признак породы, возможно, даже голубой крови, которой она желала будущим внукам.

Перед сном она капризно посетовала мужу:

— Что-то наша будущая невестка про свою семью — ни слова...

— А зачем ты с ходу устроила девочке допрос? Всею свое время, — миролюбиво ответил полковник.

— Слушай, Паша, — не унималась Анна Трофимовна, — кажется, я вспомнила! Как фамилия начальника станции? Ты же его знаешь.

— Буканов. Ты думаешь, не Людмилы ли это отец? Нет, что ты! Однофамильцы. У Ивана Михайловича — два сына. Дочери, насколько мне известно, нет. И что ты так уж волнуешься? Людмила — серьезная, умная девушка. У меня глаз на людей намётан. И красавица к тому же.

— Паша, семья не армия. И ты простофиля в житейских делах. Игорь — в тебя. Знаешь, о чем я подумала? Может, Людмила неспроста промолчала? Что, если её отец из органов? А там, сам знаешь, лишнего не говорят даже в семьях. Ну да я все равно узнаю.

Анна Трофимовна не сомневалась, что её «агентура» из кружка кройки и шитья в курсе того, где, как и с кем живут многие из видных людей Петровска.

Людмила, вернувшись от Северовых, тоже долго не могла уснуть. До знакомства с Игорем её не особенно волновало, из какой она семьи. А то, что они с мамой живут в бараке?.. Так не одни же они. В депо им обещали, по меньшей мере, хорошую комнату в благоустроенном доме. Встреча с Игорем лишила её покоя.

После его дня рождения она хорошо понимала, что они из разных миров и что вместе они будут до тех пор, пока он не узнает, что она — девушка из барака. Разве может Игорь представить себе, что они с мамой летом и зимой полощут белье у колонки, а потом несут его в свою комнатку, сгибаясь от тяжести огромных тазов с успевшими подмерзнуть на морозе простынями и полотенцами. Видел бы он, как они развешивают вставшее колом белье на веревке в комнате. И тогда по комнате невозможно пройти, не задев плечом, головой или щекой мокрую простыню, пододеяльник. Иногда перегруженная веревка обрывалась... Все рухнувшее на пол шли снова полоскать...

Разве сможет он понять, что гудки деповских тепловозов, влажное шипение выпускаемого маневровой «овечкой» пара — эти звуки стали для Людмилы такими же привычными, как добрые и печальные глаза её мамы?.. Вместе с рукой Екатерина Ивановна потеряла и мужа, который давным-давно ушел от них на поиски лучшей доли. Как объяснить Игорю все это? Он никогда не слышал от своей мамы: «Денег осталось только на хлеб, потерпи до получки». А она слышала, терпела и жалела мать.

Людмила рано поняла, что «всеобщее равенство в стране победившего социализма», о котором говорили на уроках истории, на пионерских сборах и комсомольских собраниях, пока наступило не для всех. Например, до их с

мамой оно пока не добралось. Они трудятся как пчелки. Их, конечно, уважают, но не о Людмиле, а о её соседке по парте в учительской говорила класная руководительница директору школы, когда решали, которую из двух отличниц отправить летом к Черному морю в «Артек»: «Сами понимаете, девочка из хорошей семьи, там – воспитание, там – все. Краснеть за неё не придется ни перед кем». Тогда Людмилу больно задел эти случайно подслушанные слова, будто ее отхлестали по щекам. После них она долго не могла уснуть и думала: «Если отец – замдиректора завода, а мать – врач, то это «хорошая семья»? А какая семья у них с мамой?»

Игорь после каждой новой встречи все неохотнее расставался с Людмилой. Однажды они возвращались с концерта – в Петровск с гастролями приезжал китайский ансамбль песни и танца. Ребята веселились, на ходу вырывая друг у друга программку концерта с непривычными, короткими, как вдох и выдох, именами и фамилиями исполнителей. Игорь дурачился и кричал:

– Теперь буду называть тебя по-китайски – Лю. Потому что ты – Лю и я тебя лю!

– А тогда ты – Иго, потому что какой же ты Ли Цзынь? Ты выше ростом. И вообще!..

Они шутили и смеялись до изнеможения. Но возле «дома Людмилы» оба притихли.

– Я хочу увидеть твою комнату, познакомиться с твоей мамой... Чего ты стесняешься? Ведь я не урод, не инвалид какой-нибудь, – тихо, но твердо сказал он.

Людмила вздрогнула: «При чем здесь инвалид?», но снова отмолчалась.

– А я билеты в кино взял, на «Девять дней одного года» с Баталовым и Смоктуновским. Пойдем? – попытался замаять Игорь.

Встретились у кинотеатра за полчаса до сеанса. Игорь с такой нежностью смотрел на Людмилу, а у нее сердце одновременно билось от счастья и щемило от непонятного горестного предчувствия.

Перед фильмом, как всегда, показали свежий выпуск киножурнала о главных местных новостях. Бодрый голос за кадром рассказывал о «достигнутом», в том числе и о том, что «за минувший месяц десятки семей железно-

дорожников отметили новоселья в добротных благоустроенных домах».

Игорь презрительно поморщился:

– Чему радоваться – не понимаю! Как будто люди въезжают во дворцы. Бывал я у приятеля в таком доме-коробке. Квартира так себе – распашонка. Тесно.

Зато она всё понимала.

В этот же вечер они впервые поссорились. Началось с того, что Людмила снова заспешила, «забыв» про обещание пригласить к себе. Игорь задержал ее. Бережно взял ее голову в ладони, притянул ее лицо к себе:

– Почему, Лю? В чем дело? К нам ты не хочешь и к себе не зовешь. Мама права: что-то здесь не так.

Людмилу словно ударило током:

– Мама зря не скажет. Слушайся маму – и все у тебя будет, как она хочет.

Она резко отстранилась и быстро рванулась в... чужой подъезд.

Людмила не появлялась на занятиях несколько дней. В деканате медицинского факультета Игорю сказали, что заболела, а однокурсница Людмилы дала ему адрес.

Когда в дверь постучали, девушка решила, что это опять сосед «на пиво» кланчит, и не стала открывать. Но постучали снова – громче и настойчивей. Еще немного помедлив, Людмила все же открыла и... обмерла, увидев на пороге Игоря. Постояв несколько секунд, словно в полубомороке, она захлопнула перед ним дверь, словно боялась услышать хоть слово от него.

Раздавленная, она легла на кровать, сжалась в комок и уткнулась лицом в старый выцветший настенный ковер. Ей не хотелось жить.

Все это время Людмила старалась даже случайно не встретиться с Игорем. Это было нестерпимо трудно и давалось ей непросто. Она несколько раз видела его на их обычном месте, где они встречались: Игорь ждал её после лекций, но у неё так ни разу и не хватило духу подойти. Она понимала: ничего уже не объяснить, не исправить, не вернуть.

Через два года Людмила вышла замуж. Муж, известный в городе врач Леонид Аренц, обожал её, но как-то он невесело пошутил при

жене: «Что же, как видно, придется мне любить за нас обоих». Старшие Аренцы были довольны невесткой. К Екатерине Ивановне относились сердечно и уважительно.

Ещё через два года Людмила родила двух сыновей-близнецов и защитила кандидатскую диссертацию. Лера была свидетелем на свадьбе подруги. Ей казалось, что Людмила вполне счастлива. А Екатерина Ивановна дожила до восьмидесяти лет и отошла в мир иной на руках у любящих дочери и зятя.

Анна Трофимовна все же добилась своего: женила Игоря на генеральской дочери. Сначала все шло по ее плану: генерал устроил молодым отдельную квартиру, подарил зятю «Жигули» последней модели в надежде на долгожданного внука. Родилась девочка, болезненная, кричавшая день и ночь. У дочери генерала начались истерики. Ребенку нашли няню, но лада в молодой семье так и не стало. Игорь вскоре запил, а в доме Анны Трофимовны поселился запах лекарств и беды. Павел Григорьевич надолго слёг отчасти и от того, что «непутевого зятя» генерал, в конце концов, выставил из квартиры. «Мальчик из хорошей семьи» вернулся к любящей маме. Анна Тро-

фимовна, несмотря ни на что, не теряла надежды на счастливый билет для сына.

Как-то спустя годы Людмила попросила Леру помочь разобрать старые журналы и тетради с конспектами, сохранившиеся со студенческих лет. Из одной толстой тетради с зеленой обложкой выпал пожелтевший буклет. Оказалось — программка концерта ансамбля песни и танца из Пекина. Лера воскликнула: «Надо же! Мне так хотелось тогда попасть на этот концерт!» И она стала громко и весело зачитывать непривычные русскому уху имена солистов: «Лю Цин, Ли Цзян...» Людмила побледнела, взяла у Леры программку, хотела её порвать, но не смогла. Ей показалось, что она слышит знакомый счастливый голос: «Теперь буду называть тебя по-китайски — Лю. Потому что ты — Лю и я тебя лю...»

□

Валентина Владимировна АКУЛЕНКО

родилась в г. Сортавале (Карелия).

Окончила факультет журналистики СПбГУ.

Более 30 лет публикуется в карельских и ведущих российских изданиях:

«Комсомольская правда», «Советская культура»,

«Известия», «Литературная газета» и др.

Постоянный автор федерального еженедельника «Деловой вторник»

и карельских национальных изданий.

Член Союза журналистов России.

Лауреат республиканских и всероссийских журналистских конкурсов

(золотая медаль лауреата ВВЦ;

диплом лауреата премии Союза журналистов России

«За профессиональное мастерство» и пр.).

Заслуженный журналист Республики Карелия.

Живет в Петрозаводске.

